

Закрой мне глаза

Дина Уайт

18+

Дина Уайт

Закрой мне глаза

<https://litres.ru/73963131>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — психолог. Он — бывший боец ММА. Их встреча должна была стать просто исследованием.

Элис Харт приходит в закрытый бойцовский клуб «Цитадель», чтобы написать научную работу. Его владелец Рэй Макалистер сух, резок и не рад гостю. Но что-то в её взгляде заставляет его согласиться.

Чем дольше они рядом, тем сильнее их тянет друг к другу. Но у обоих есть тёмные провалы в памяти — отголоски прошлого, которое они не помнят. Когда прошлое настигнет их, выяснится: их встреча не была случайной. Им придётся вспомнить то, что они забыли двадцать лет назад, и защитить друг друга от тех, кто хочет, чтобы правда осталась похороненной навсегда.

Эмоциональная история о травме, которая перестаёт душить, когда её разделяешь с кем-то. О силе, которая рождается в доверии. И о любви, которая началась в аду, но нашла путь к свету.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Закрой мне глаза

Глава

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НЕЗНАКОМЦЫ

Пролог

20 лет назад

Запах ударил первым.

Свежий хлеб. Он всегда чувствовал его первым — ещё до того, как мать сворачивала к булочной, ещё до того, как двери разъезжались с шипением. Тёплый, густой, он обещал мягкую булку с сахарной корочкой, если вести себя хорошо.

Мальчик втянул носом воздух и покосился на мать. Та перебирала кошелёк, хмурилась — денег в обрез. Он знал этот взгляд. Без булки.

Тележка скрипнула колесом, когда мать толкнула её в проход между стеллажами. Супермаркет гудел: кассирши перекрикивались, где-то плакал младенец, из динамиков лилось что-то рождественское, хотя до Рождества было ещё далеко. Мальчик провёл ладонью по

ряду консервных банок — холодных и гладких, как речные камни.

Девочка появилась откуда-то слева.

Он заметил её не сразу — только когда что-то дёрнуло воздух. Странное чувство, будто толкнули в плечо, хотя никто не касался. Девочка стояла у полки с хлопьями, зажав в кулаке подол платья в мелкий цветочек. Русые волосы торчали из-под шапки, глаза огромные, серые, как небо перед грозой. Она не плакала, хотя губа дрожала. Просто стояла и смотрела на витрину с потерянным видом.

— Мама, — прошептала она едва слышно. — Мама.

Потом грохнуло.

Мальчик не сразу понял, что это. Звук был не похож на киношный — сухой, резкий, как будто кто-то хлопнул дверью в бетонном подвале. Крики вспороли воздух не сразу — сначала была тишина, страшная, звенящая, длиной в один вдох.

А потом всё сорвалось.

Тележка опрокинулась. Мать дёрнула его за руку так, что плечо пронзила боль. Кто-то бежал, кто-то падал, женщина закричала так высоко и страшно, что заложило уши. Мальчик не понял, в какой момент они разделились — то ли он вырвался, то ли мать отпустила. Его толкнули в спину, он пролетел несколько шагов и врезался в стеллаж. Банки посыпались, покатались по полу, одна разбилась о плитку — запахло томатным

соусом.

Он упал на колени и увидел её.

Девочка сидела на полу, прижавшись спиной к холодиль-

нику с молочкой. Слезы текли по щекам, но она не издавала ни звука — только беззвучно открывала рот, как выброшенная на берег рыба. Вокруг орали, бежали, кто-то споткнулся о них и полетел дальше, а она сидела и смотрела прямо перед собой остановившимися глазами.

Он не думал. Просто пополз.

Коленки скользили по холодной плитке, раздавленная банка врезалась в ладонь острым краем, но он не чувствовал боли. Дополз. Опустился рядом, заслонил её собой от прохода, от криков, от всего.

— Эй, — прошептал он. — Эй, ты меня слышишь?

Девочка не ответила. Её трясло крупной дрожью. Он протянул руку — детскую, худую, с обкусанными ногтями — и накрыл её глаза ладонью. Ему было двенадцать, и он не знал, что делать. Просто знал: если она не видит — не так страшно. Ему самому хотелось закрыть глаза и исчезнуть, но кто-то же должен был держаться.

Снова грохнуло. Где-то совсем близко. Он вздрогнул, и слова пришли сами собой, непонятно откуда, как будто кто-то другой заговорил его губами.

— *Twinkle, twinkle, little star...*

Голос дрожал. Он не умел петь. Но девочка перестала трястись.

— *How I wonder what you are...*

Темнота. Запах хлеба и пороха. Ладонь на её глазах. И мелодия — тонкая, как ниточка, которая связывала их посреди

ада.

Наши дни

Элис проснулась от того, что сердце колотилось где-то в горле. В комнате было темно, за окном шумел дождь. Она села на постели, прижав руку к груди. Опять этот сон. Вернее, даже не сон — обрывок. Темнота, чьи-то ладони на глазах, и голос. Детский голос, напевающий колыбельную. Она никогда не

могла вспомнить слов, только мелодию — и всякий раз просыпалась с одним и тем же чувством: будто что-то важное ускользнуло. Растворилось, как сахар в горячем чае, оставив только сладкое послевкусие тревоги.

За стеной гудел холодильник. Элис опустила ноги на холодный пол, нашарила тапочки. Посмотрела на часы: 5:47 утра.

Сегодня понедельник. Сегодня она идёт в «Цитадель».

Глава 1. Элис

Дождь зарядил с утра — мелкий, противный, какой бывает только в марте, когда зима уже

сдалась, но весна ещё не решила, стоит ли вступать в права. Элис стояла у окна своей квартирki в Бруклине, прижимая к губам кружку с остывшим кофе, и смотрела, как вода стекает по пожарной лестнице дома напротив.

Квартира у неё была маленькая, но светлая — целых три

окна в гостиной, что по бруклинским меркам считалось роскошью. Книжные полки, забитые до отказа, торшер с абажуром в разводах, купленный на блошином рынке, плед на подлокотнике дивана — всё здесь дышало уютом и одиночеством. Не гнетущим, а каким-то уютным, почти добровольным.

Телефон завибрировал на подоконнике. Сообщение от Луизы, научного руководителя:

«Элис, я отправила запрос в „Цитадель“. Пока без ответа. Может, проще зайти лично? С ними по телефону сложно — трубку не берут или бросают. Ты же знаешь эти спортзалы. Удачи, жду драфт к пятнице».

Элис вздохнула и допила кофе одним глотком. Поморщилась — совсем остыл.

Спортзалы. Она никогда не понимала людей, которые добровольно идут в душные помещения, чтобы тягать железо или мутузить друг друга. В колледже на физкультуре она вечно стояла у стенки, пока остальные играли в волейбол. Не потому что не могла — просто не видела смысла в суете.

Но тема диссертации диктовала свои правила.

Она открыла ноутбук, пробежалась глазами по заметкам. «Психология преодоления: тревожность и агрессия в любительском спорте». Звучало сухо, но внутри горел настоящий интерес. Как люди справляются со страхом через физическое действие? Почему одни ломаются, а другие закаляются? Где та грань, за которой боль становится топливом?

Ей нужен был не фитнес-клуб с зеркальными стенами и смузи-баром. Нужна была среда, где человек работает на пределе. Без прикрас. Без жалости.

«Цитадель» всплыла в разговоре с коллегой с кафедры спортивной психологии. «Если хочешь настоящее мясо — иди туда, — сказал он, понизив голос, будто сообщал пароль от подпольного клуба. — Тренер — бывший боец

ММА. Говорят, псих. Но те, кто у него выживают, выходят другими людьми».

В интернете нашлось немного. Пара статей в спортивных блогах, короткое видео боёв трёхлетней давности. Элис включила его ещё вечером и замерла, не донеся чашку до рта.

На экране двигался мужчина. Высокий, черноволосый, с лицом, которое не назовёшь красивым в привычном смысле — слишком жёсткое, слишком резкое, будто вырубленное из дерева одним ударом ножа. Он двигался в октагоне с экономией, которая завораживала: ни одного лишнего жеста, ни тени сомнения. Удар — уклон — бросок. Противник рухнул. Толпа взревела.

Но Элис смотрела не на триумф. Она смотрела на глаза. В них не было ни радости, ни ярости, ни облегчения. Только холод. Глубокий, как вода в февральском озере.

Она пересмотрела видео трижды. Потом закрыла ноутбук и долго сидела в темноте. Что-то в этом взгляде царапнуло её

— не профессионально, а лично. Как будто она уже видела такие глаза. Очень давно.

К полудню дождь усилился. Элис натянула плащ, пожалев, что не купила зонт, и вышла на улицу. Метро встретило привычной вонью и гулом. Она проехала шесть станций, пересела, проехала ещё три. Вышла в Квинсе.

Район был смешанный: корейская пекарня соседствовала с мексиканской

забегаловкой, а та — с автомастерской, из которой несло бензином и тяжёлым роком. В воздухе пахло жареным луком и мокрым асфальтом. Элис сверилась с навигатором и свернула в переулок.

«Цитадель» пряталась в глубине квартала, между складом автозапчастей и обшарпанным зданием неизвестного назначения. Никакой вывески — только чёрная дверь с граффити в виде стилизованной крепостной башни. Сталь, бетон, никаких украшений. Элис нажала ручку. Заперто.

Она толкнула сильнее. Тишина.

И тут дверь распахнулась сама — резко, без предупреждения. Элис отшатнулась.

На пороге стоял мужчина. Тот самый, с видео.

Вживую он оказался выше, чем она представляла, — пришлось задрать голову. Широкие плечи, тёмные волосы, коротко стриженные, но достаточно длинные, чтобы топорщиться в беспорядке. Одет в чёрную футболку с эмблемой

клуба и свободные тренировочные штаны. На правой скуле — тонкий шрам, которого она не заметила на видео. Глаза — тёмные, почти чёрные, смотрели на неё без всякого выражения.

— Закрыто, — сказал он. Голос низкий, ровный, без интонаций. — Открытие в четыре.

Он уже взялся за ручку, чтобы захлопнуть дверь, но Элис выставила руку вперёд.

— Подождите. Вы Рэй Макалистер?

Мужчина замер. Что-то дрогнуло в его лице — не интерес, скорее лёгкое раздражение. Как у человека, который услышал своё имя в чужом рту и не уверен, что ему это нравится.

— Я Элис Харт, — она старалась, чтобы голос звучал уверенно, но дождь заливал лицо, и плащ промок на плечах. — Мне нужно с вами поговорить. Я психолог, пишу исследование...

— Ясно, — перебил он. — Вы ошиблись дверью. Фитнес-клуб через два квартала.

— Мне нужен не фитнес-клуб. Мне нужна «Цитадель». И вы.

На мгновение в тёмных глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. Или любопытство. Или и то, и другое. Но тут же исчезло.

— Я тренер, — отрезал он. — Не подопытный кролик.

— Я не собираюсь никого вскрывать, — Элис достала из промокнувшей сумки визитку — слегка помятую, но ещё чита-

ему. — Дайте мне пять минут. Если после этого скажете «нет», я уйду.

Рэй посмотрел на визитку так, будто ему протягивали дохлую мышь. Потом перевёл взгляд на неё: мокрые волосы прилипли ко лбу, капли на ресницах, подбородок чуть вздёрнут. Она не отводила глаз.

И снова это странное чувство — не узнавание, а его тень. Как будто где-то в глубине памяти шевельнулось что-то давно забытое.

— Пять минут, — бросил он и отступил в темноту дверного проёма. — Заходите.

Элис переступила порог. Дверь захлопнулась за спиной с металлическим лязгом. Внутри пахло кожей, мелом для рук и чем-то ещё, едва уловимым — как после грозы. Озон. Или адреналин.

Зал был огромный — гораздо больше, чем казалось снаружи. Высокие потолки, бетонные стены без украшений, ряды тяжёлых мешков на цепях. В дальнем углу — октагон. Настоящий. Не для показухи. На

канатах кое-где виднелись бурые пятна — застиранная, но не сошедшая до конца кровь. Вдоль стен — штанги, гантели, покрытые царапинами скамьи. Никаких зеркал. Никаких телевизоров с музыкой. Только стальной крест на стене, стилизованный под эмблему клуба.

Рэй не предлагал сесть. Он просто встал напротив, скре-

стив руки на груди.

— Время пошло.

Элис выдохнула и начала.

— Я клинический психолог, специализируюсь на пост-травматических и тревожных расстройствах. Сейчас я веду исследование о том, как люди с высоким уровнем агрессии и тревожности используют спорт — не для

фигуры, а чтобы не сломаться. Мне нужна не стерильная лаборатория, а реальная среда. Ваш клуб — именно такая среда.

Рэй молчал. Его лицо оставалось неподвижным, но что-то в нём изменилось — едва заметно, как тень облака на воде. Может быть, она произнесла слово «тревожность» чуть иначе, чем другие. Может быть, он просто услышал, что она не врёт.

— И что вы хотите? — спросил он наконец. — Сидеть в углу с блокнотом и пялиться на моих бойцов? Они не звери в зоопарке.

— Я хочу записаться на тренировки. Заниматься в общей группе. На равных.

Вот тут он удивился. Не показал — но Элис почувствовала. Что-то дрогнуло в воздухе между ними.

— Вы? — Он обвёл её взглядом с ног до головы. Не оценивающе — скорее скептически. — Вы хоть раз стояли в спарринге?

— Нет.

— С мешком работали?

— Нет.

— Отжиматься-то умеете?

— Десять раз, — честно сказала Элис. — Может, двенадцать.

Рэй фыркнул — звук получился странный,

будто он сам забыл, как это делается. Потом шагнул ближе. Ближе, чем требовалось для разговора. Элис пришлось задрать голову ещё выше. От него пахло железом и мылом — простым, дешёвым, без всяких ароматизаторов.

— Значит, так, доктор Харт, — произнёс он, и в его голосе впервые прорезалось что-то кроме равнодушия. Что-то похожее на вызов. — Вы будете делать всё то же, что и мои парни. Разминка, мешок, спарринги, ОФП. Никаких скидок на то, что вы девушка. Никаких «я устала». Если я говорю «ещё круг» — вы бежите ещё круг, пока не упадёте или пока я не скажу «стоп». И только после этого вы сможете задавать свои вопросы. Мои люди не ваши подопытные. Вы спрашиваете — они отвечают. Или не отвечают. Это их дело. Но если я узнаю, что

вы мухлюете или используете кого-то из них без их согласия, вы вылетите отсюда быстрее, чем успеете сказать «деонтология». Понятно?

Элис выдержала паузу. Сердце колотилось где-то в горле — она сама не понимала, от страха или от азарта. Может, от того и другого сразу.

— Понятно, — сказала она. — Тогда встречный вопрос. Рэй приподнял бровь.

— Почему вы согласились? Вы же не обязаны. Могли просто захлопнуть дверь.

Он помолчал. Отвернулся, прошёл к мешкам, поправил цепь на одном из них —

совершенно бессмысленное движение, просто чтобы чем-то занять руки.

— Сам не знаю, — сказал он наконец. И это прозвучало честнее, чем всё, что Элис слышала за последний месяц.

Она не стала допрашивать. Просто кивнула и направилась к выходу.

— Харт, — окликнул он, когда она уже взялась за ручку. — Первая тренировка завтра. В шесть утра. Опоздаете хоть на минуту — не зайдёте.

— Я не опаздываю, — бросила она через плечо и вышла под дождь.

Дома она долго стояла под горячим душем, смывая с себя холод мартовского Нью-Йорка. Потом села к ноутбуку. Открыла файл с заметками. Пробежалась по заголовкам: «Постановка проблемы», «Методология», «Выборка».

Вставила новый подзаголовок: «Объект № 1. Р. Макалистер. 32 года. Бывший боец ММА. Владелец клуба „Цитадель“».

Курсор мигал на пустой строке, ожидая текста. Элис за-

несла пальцы над клавиатурой и замерла.

Что она могла написать? «Сухой, резкий, не улыбается. Носит чёрное. Пахнет мылом и железом. Когда смотрит, кажется, что видит насквозь. Согласился на исследование, хотя явно ненавидит саму идею. Почему?»

Это не годилось для методологии. Это вообще никуда не годилось.

Она захлопнула ноутбук. Завтра в шесть утра. Надо выспаться.

Но вместо этого она ещё час лежала в темноте, слушая дождь за окном, и прокручивала в голове их разговор. Его голос. Его глаза. И эту странную, неуловимую тень — будто где-то на задворках памяти зашевелилось что-то давно забытое, что-то, связанное с запахом свежего хлеба и звуком, похожим на хлопок двери.

Чушь. Просто нервы перед новым проектом.

Элис повернулась на бок и заснула. И ей ничего не снилось.

Глава 2. Рэй

Рэй закрыл дверь за психологом и ещё минуту стоял, глядя в стальную обшивку. За дверью шуршал дождь и где-то далеко гудело метро — звуки Нью-Йорка, которые он давно перестал замечать.

Что он только что сделал?

Пять минут назад он собирался захлопнуть дверь перед

носом очередной любопытной дуры, а теперь у него в клубе будет тренироваться психолог. Который будет его изучать. Который будет задавать вопросы. Который, чёрт возьми, смотрел на него так, будто действительно видел.

Рэй потёр переносицу. Где-то в затылке зарождалась тупая боль — предвестница мигрени, с которой он жил уже много лет.

Он прошёл в зал, включил свет на полную. Мешки висели неподвижно, штанги тускло блестели. В шесть утра здесь будетлюдно, шумно, потно — его мир, который он построил с нуля. А сейчас — тишина.

Он подошёл к груше, сжал кулак, ударил. Раз, другой, третий. Ритмично, без злости — просто чтобы разогнать кровь и мысли. Мешок закачался на цепи.

Почему он согласился?

«Сам не знаю» — это было честно. Он действительно не знал. Может быть, дело

было в том, как она стояла под дождём — мокрая, но с абсолютно прямым позвоночником. Может быть, в том, как она сказала «я не собираюсь никого вскрывать» — просто, без кокетства, без попытки понравиться.

А может быть, в чём-то другом. В чём-то, что он почувствовал, когда она вошла. Смутное, ускользающее ощущение — как запах, который не можешь опознать, но который будит что-то глубоко внутри. Что-то тёплое и страшное одновременно.

Чушь. Он её впервые видит.

Удар. Ещё удар. Мешок загудел.

За спиной скрипнула дверь. Рэй обернулся, не прекращая серии.

— Ты чего так рано? — В дверях стоял Майк, его правая рука, тренер по работе с детьми и единственный человек, которому Рэй позволял заходить без стука.

Майку было двадцать восемь, и он был всем, чем Рэй не был. Улыбчивый, быстрый, лёгкий на подъём. Светлые волосы вечно торчали в разные стороны, на подбородке — вечная щетина, которую он то сбрасывал, то отращивал до неприличного. Если Рэй был ночью, то Майк — полуденным солнцем. Они дружили семь лет, с тех пор как столкнулись на подпольных боях: Рэй тогда дрался, Майк судил. Один бой закончился плохо, и Майк, рискуя собственной шкурой, вытащил Рэя из зала, когда на него налетели парни проигравшего. С тех пор — вместе.

— Не спится, — бросил Рэй, не останавливая удары.

— Ага, я заметил. Ты мешок добьёшь когда-нибудь или он тебе ещё жив кажется?

Рэй остановился, поймал мешок, придержал. Дыхание было ровным — он почти не запыхался.

— Тут сегодня приходила одна, — сказал он, не поворачиваясь. — Психолог.

Майк присвистнул.

— Серьёзно? И что ей надо?

— Диссертацию пишет. Про психологию в спорте. Хочет тренироваться у нас.

— И ты согласился?

Рэй промолчал.

— Рэй Макалистер пустил постороннего в свой храм? — Майк картинно схватился за сердце. — Кто ты и что ты сделал с моим другом?

— Заткнись, — беззлобно бросил Рэй и наконец повернулся. — Она завтра придёт. В шесть. Будешь вести разминку — присмотришь к ней.

— В каком смысле «присмотришь»?

— В прямом. Если она шпионит или врёт — я хочу знать.

Майк кивнул, но в его глазах плясали смешинки.

— А она симпатичная?

Рэй снова промолчал. Но в этот раз молчание было другим — на долю секунды дольше, чем требовалось. Майк это заметил. И ухмыльнулся ещё шире.

— Понял, — сказал он, поднимая руки в примирительном жесте. — Ничего не говори. Я сам всё увижу. Завтра в шесть.

Он вышел, насвистывая что-то под нос. Рэй остался один.

Симпатичная? Он об этом не думал. То есть думал, конечно — как любой мужик с глазами. Но не это его зацепило. Его зацепило другое. То, как она смотрела.

Прямо, открыто, без страха. И одновременно — будто узнавала.

Будто они уже встречались. Когда-то. Где-то.

Рэй выключил свет и поднялся по лестнице в свою квартиру — крошечную студию прямо над залом. Он жил там один. Всегда один. Так было проще.

Перед сном он долго стоял у окна, глядя на мокрый асфальт и неоновые отражения. В голове крутился мотив — старый, детский, который он терпеть не мог. Он гнал его, но мелодия возвращалась.

...up above the world so high, like a diamond in the sky...

Рэй поморщился и задвинул шторы.

Глава 3. Чужая

Будильник заорал в 4:45. Элис подскочила на кровати, не сразу сообразив, где она и зачем. За окном ещё было темно — мартовский рассвет в Нью-Йорке не торопился. Дождь кончился, но небо висело низкое, сизое, как старый плед.

Она натянула купленную накануне форму: чёрные леггинсы, футболка с длинным рукавом, новые кроссовки, которые ещё пахли магазином. Посмотрела на себя в зеркало. Бледная, волосы собраны в тугий пучок, под глазами тени — не выспалась, ворочалась полночи.

— Ты психолог, — сказала она своему отражению. — Ты изучала поведенческие паттерны. Ты справишься.

Отражение не ответило, но Элис показалось, что оно смотрит на неё скептически.

В 5:52 она стояла перед чёрной дверью «Цитадели». На этот раз та была приоткрыта. Изнутри доносился глухой ритмичный стук — кто-то уже работал по мешку.

Элис толкнула дверь и вошла.

Внутри было тепло. Пахло кожей, магниезией и чуть-чуть — кофе. Зал освещался тусклыми лампами дневного света, но в дальнем углу уже горел дополнительный прожектор.

Под ним стоял Рэй и бил по груше. Он был в той же чёрной футболке, что и вчера, и в спортивных штанах. На руках — бинты. Двигался он ровно, ритмично, как машина: удар — удар — уклон — снова удар. На появление Элис не отреагировал.

Зато отреагировал кто-то другой.

— Вы, должно быть, Элис!

Из-за стойки с гантелями вынырнул парень с растрёпанными светлыми волосами и открытой улыбкой. Он был в ярко-синей футболке с надписью «Train hard, stay humble», которая совершенно не вязалась с мрачным интерьером «Цитадели».

— Майк, — представился он, протягивая руку. — Я тут типа заместитель главного тирана.

Провожу разминку, слежу, чтобы новички не падали в обморок. Вы вовремя — это плюс. Рэй не любит опозданий.

— Я помню, — Элис пожала руку. Ладонь у Майка была тёплая, хватка крепкая, но не демонстративная.

— Не бойтесь, первый день — он самый лёгкий, — подмигнул Майк и понизил голос: — Потом будет хуже.

— Я не боюсь.

— Зря. Страх — полезная штука. Он мобилизует.

Элис хотела ответить что-то про симпатическую нервную систему, но тут Рэй перестал бить по мешку и повернулся. Его

взгляд скользнул по ней — быстро, как луч фонарика. Задержался на кроссовках, на футболке, на пучке волос.

— Разминка через три минуты, — бросил он и отвернулся.

— Это значит «здравствуйте, рад вас видеть», — перевёл Майк шёпотом. — Поверьте, с ним это практически объятия.

Элис невольно улыбнулась.

К шести утра зал начал наполняться. Элис ожидала увидеть толпу накачанных мужчин с бычьими шеями, но реальность оказалась разнообразнее. Пришло человек пятнадцать: несколько парней явно борцовской

наружности, три девушки крепкого телосложения, мужчина лет пятидесяти с седыми висками и очень спокойным взглядом, двое подростков, которых привёл Майк, и даже парень в очках, похожий на айтишника больше, чем на бойца.

Все они были разными — но объединяло их одно. Элис заметила это не сразу, а когда заметила — не смогла сформу-

лировать словами. Какая-то собранность. Спокойная, не показная. Будто каждый из них знал что-то, чего не знала она.

Майк вышел в центр зала и хлопнул в ладоши.

— Так, красавцы и красавицы! Разминка! Построились в три линии, дистанция — вытянутая рука. Кто сегодня опоздает на

круг — тот моет полы после тренировки. Погнали!

Разминка оказалась не такой страшной, как Элис боялась. Бег по кругу, махи руками, наклоны, приседания. Она держалась в заднем ряду и старалась не отставать. Майк периодически бросал на неё взгляд — не оценивающий, скорее ободряющий.

Рэй стоял у стены и молча наблюдал. Его присутствие ощущалось физически — как атмосферное давление, которое меняется перед грозой. Элис чувствовала его взгляд спиной, когда наклонялась, и затылком, когда выпрямлялась. Это нервировало. И одновременно — странным образом — подстёгивало.

«Он смотрит на всех, — напомнила она себе.

— Ты не особенная. Ты просто новичок».

Но когда она покосилась через плечо, он смотрел именно на неё.

После разминки группу разделили. Опытные ушли в октагон, новички остались с Майком отрабатывать базу. Элис попала к новичкам. Они работали над стойкой: ноги на ши-

рине плеч, колени чуть согнуты, подбородок прижат, руки в защите. Проще, чем казалось, но спустя пять минут бёдра загудели.

— Держим стойку! — командовал Майк, проходя между рядами. — Руки не роняем, даже если горят. Противник не ждёт, пока вы отдохнёте.

Он остановился рядом с Элис, поправил её локоть.

— Неплохо для первого раза, — сказал он тихо. — Видно, что вы в хорошей форме. Но руки держите выше. Вот так.

Элис поправила стойку. Мышцы дрожали, но она не опускала рук.

— А вы правда психолог? — спросил Майк шёпотом.

— Правда.

— И что, будете нас анализировать?

— Только с вашего согласия.

Майк усмехнулся.

— Моё у вас есть. Можете начинать прямо сейчас. Что вы уже поняли?

Элис бросила быстрый взгляд в сторону Рэя. Он стоял у октагона и что-то объяснял одному из бойцов — негромко, скупно, но тот слушал с предельным вниманием.

— Ваш начальник, — сказала Элис, не прекращая держать стойку, — не просто тренирует. Он строит. Это не зал, это... система. Жёсткая, но логичная. Люди приходят сюда не только за мышцами. Они приходят за чем-то ещё. За ощущением контроля.

Майк перестал улыбаться. Посмотрел на неё уже без шутивого прищуря.

— А вы и правда шарите, — сказал он. — Обычно новички неделями этого не видят.

— Я просто наблюдаю.

— Ну-ну, — протянул Майк и пошёл дальше поправлять стойки.

К концу тренировки Элис едва стояла на ногах. Мышцы гудели, футболка прилипла к спине, пучок растрепался и теперь напоминал гнездо. Она чувствовала себя выжатой, как лимон, и при этом — странно живой. Будто вместе с потом вышли какие-то токсины, о существовании которых она не подозревала.

Народ расходился. Кто-то хлопал друг друга по плечам, кто-то договаривался о совместных выходных. Майк что-то обсуждал с тем седым мужчиной — по жестам было похоже на технику удара. Подростки, смеясь, собирали разбросанные бинты.

Элис прислонилась к стене и пила воду из бутылки. Сердце постепенно замедлялось.

— Харт.

Она обернулась. Рэй стоял в двух шагах. Она даже не слышала, как он подошёл.

— Живая?

— Вроде да.

— Тогда слушайте. Наблюдения — это хорошо. Но если вы просто будете торчать в углу и смотреть, вы не поймёте главного.

— А что главное?

Он чуть наклонил голову. Свет прожектора падал на его лицо так, что шрам на скуле стал заметнее.

— Почему люди продолжают, когда уже не могут. Это не в голове. Это где-то ещё. И чтобы понять, нужно делать. Не смотреть.

Элис отхлебнула ещё воды, чтобы выиграть паузу.

— То есть вы считаете, что я должна не только наблюдать, но и проходить через те же нагрузки, что и ваши бойцы?

— Я считаю, что вы не напишете ничего путного, если будете смотреть со стороны. Включённое наблюдение, — он произнёс термин без запинки, и Элис удивлённо моргнула.

— Я тоже умею гуглить, доктор Харт.

Она чуть не рассмеялась. Рэй Макалистер гуглил методологию психологических исследований. Картина дня.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда встречный вопрос.

— Опять?

— Почему вы это делаете?

— Что именно?

— Помогаете мне. Вы же могли просто игнорировать. Поставили бы в угол — и пусть наблюдает. Но вы делаете иначе.

Рэй помолчал. Она уже начинала привыкать к этим его паузам — долгим, как будто он каждый раз принимал реше-

ние, говорить или нет.

— Я не люблю делать что-то наполовину, — сказал он наконец. — Если уж вы здесь, то будете делать всё как надо. Или не будете вообще.

— А если я не справлюсь?

— Справитесь.

Он сказал это так просто и уверенно, что у Элис перехватило дыхание. Не

«постараетесь», не «может быть». Справитесь.

Рэй развернулся и пошёл к октагону. Разговор был окончен.

Элис допила воду, завинтила крышку и вдруг поймала себя на том, что улыбается. Мышцы болели, спина ныла, завтра она, скорее всего, не сможет подняться по лестнице. Но внутри горело странное, забытое чувство.

Предвкушение.

В метро по пути домой Элис достала телефон и открыла заметки. Пальцы дрожали от усталости, но она быстро набрала:

«Объект № 1. День первый.

Манера общения: сухая, прямая, без социальной смазки. Не пытается нравиться. Не играет роли. Паузы перед ответами — возможно, фильтрует информацию или испытывает трудности с доверием. Склонен к контролю (микроменеджмент пространства и людей). При этом — неожиданная под-

держка новичкам. Произнёс „справитесь“ так, будто это медицинский факт.

Гипотеза: за жёстким фасадом скрывается человек, для которого слова имеют вес. Он не разбрасывается обещаниями или похвалой. Поэтому когда он что-то говорит — это значит ровно то, что значит.

Дополнительное наблюдение: знает термин „включённое наблюдение“. Гуглил. Зачем? Проявил интерес к исследованию или ко мне?

Вопрос дня: почему он согласился?»

Элис перечитала написанное, хотела добавить что-то ещё, но пальцы замерли над экраном. Поезд качнуло, свет в вагоне мигнул.

В голове снова мелькнула тень — не мысль, а ощущение. Как вчера, когда она засыпала. Запах хлеба. Темнота. И голос.

Она тряхнула головой и убрала телефон в сумку.

Глава 4. Эхо

Прошло две недели.

Элис втянулась быстрее, чем сама ожидала. Мышцы перестали болеть после каждой тренировки — теперь они просто гудели ровным фоновым шумом, как старый холодильник. Она научилась различать «джеб» и «кросс», узнала, что такое «апперкот», и даже разбила себе костяшки на правой руке, потому что забыла купить бинты. Рэй тогда молча ки-

нул ей рулон — не глядя, будто случайно, но Майк потом шепнул: «Это его личные. Он никому не даёт».

Теперь она приходила пять раз в неделю. Пропускать не хотелось — и дело было не только в диссертации. Что-то в этом зале, в

его суровом ритме, в запахе кожи и магnezии, в гулких ударах по мешкам — затягивало. Как наркотик, про который не пишут в учебниках.

Она начала узнавать людей. Седая Шея — мужчина лет пятидесяти, которого мысленно окрестила «Полковник» за выправку и немногословность. Близняшки Ким и Ли — две кореянки, студентки, которые мутузили друг друга на спаррингах, а потом шли вместе пить смузи. Здоровяк Тони — бывший вышибала, который сбрасывал вес после того, как врачи поставили ультиматум. Очкарик Сэм — он действительно оказался айтишником, писал код для стартапа, а по вечерам сбрасывал агрессию на мешках.

Все они были частью экосистемы «Цитадели». И все они, как заметила Элис,

относились к Рэю с особым, почти религиозным уважением. Не боялись — именно уважали. Он не орал, не унижал, не играл в альфа-самца. Он просто делал свою работу. И требовал того же от других.

Наблюдения складывались в стройную картину. Диссертация обрастала мясом. Элис исписала уже полбллокнота заметками: как новички справляются с тревогой перед спар-

рингом, как опытные бойцы входят в состояние потока, как работает групповая динамика.

Но с Рэем было сложнее. Он оставался закрытым. На все её попытки разговорить его вне тренировок — отвечал коротко. На вопросы о прошлом — переводил стрелки. И при этом продолжал делать те странные вещи, которые не укладывались в гипотезу о

«сухом тиране»: подкинул ей гель для рук, когда увидел сбитые костяшки; однажды поправил стойку — молча, просто взял за плечи и развернул, и от этого прикосновения у Элис почему-то заложило уши; а когда она опоздала на десять минут из-за сломавшегося поезда — ничего не сказал, только кивнул на дверь, и она потом узнала от Майка, что для опоздавших у Рэя традиционно припасён дополнительный круг ада.

— Ты ему нравишься, — заявил Майк как-то вечером, когда они вдвоём собирали маты после тренировки.

— Не говори ерунды.

— Я серьёзно. Я его семь лет знаю. Он с тобой говорит. Это уже прорыв.

— Он со мной говорит, потому что я его объект исследования.

Майк фыркнул.

— Ага. Конечно. Объект. Так я и поверил.

Элис не стала спорить. Но вечером, лёжа в постели, долго думала об этом разговоре. Майк был наблюдательным —

возможно, даже более наблюдательным, чем она. И если он что-то заметил...

«Стоп. Ты учёный. Ты здесь для исследования. Не придумывай».

Она повторяла это себе каждую ночь. И каждую ночь верила себе всё меньше.

В тот день всё пошло не так с самого утра.

Для начала протек кофе-машина — старая, купленная ещё в аспирантуре, она наконец испустила дух, залив столешницу коричневой жижей. Потом Элис не могла найти ключи, а когда нашла — опоздала на поезд. Следующий пришёл с десятиминутной задержкой, и в итоге в «Цитадель» она влетела взмыленная, застёгивая сумку на бегу.

Тренировка уже шла. Сегодня был спарринговый день — самый тяжёлый. Майк стоял в центре зала, распределял пары. Рэй, как обычно, наблюдал от стены.

— Харт, — окликнул Майк, заметив её. — Ты с

Ким. Лёгкий контакт, работаем над защитой. Помнишь комбинацию?

— Джеб-джеб-кросс-удар ногой, — отбарабанила Элис, натягивая перчатки.

— Умница. Давай.

Они встали в стойку. Ким улыbnулась — дружелюбно, но с огоньком. Они уже спарринговали раньше, и Элис знала, что корейка бьёт быстро и точно, но не жёстко.

Первый раунд прошёл нормально. Элис держала защиту, пропустила пару ударов, но в целом справлялась. Второй начался бодрее — Ким ускорила, Элис пыталась контратаковать.

А потом случилось.

Кто-то в дальнем конце зала уронил штангу. Снаряд рухнул на бетонный пол с оглушительным лязгом — звук, похожий на выстрел, усиленный акустикой большого помещения.

Элис замерла. Не просто замерла — её будто выключили. Тело стало ватным, руки упали, рот приоткрылся. Перед глазами поплыло.

Запах. Хлеба. Свежего хлеба. Почему так отчётливо?

И темнота. Не та, что перед глазами, — другая. Бархатная, тёплая. Кто-то закрыл ей лицо ладонями. Детскими ладонями.

— Тише, тише, всё хорошо, не смотри, не смотри...

Голос. Мальчишеский, дрожащий, но старающийся быть спокойным.

— ...like a diamond in the sky...

Мелодия. Та самая. Она была уверена, что никогда не слышала её раньше, но сейчас — в этом странном, накрышем с головой мороке — она узнавала каждую ноту.

Ким что-то говорила, но Элис не слышала. Потом появился Майк — его лицо плавало где-то на периферии. Он тряс её за плечо.

— Элис! Элис, эй! Ты в порядке?

Она моргнула. Раз. Другой. Зал вернулся на место — бетонные стены, мешки, прожекторы. Ким стояла рядом, прикусив

губу. Сзади уже собирался народ — кто-то подошёл посмотреть, что случилось.

— Я... — голос был чужим, хриплым. — Да. Нормально. Просто... просто голова закружилась. Недосып. Извини, Ким.

— Может, присядешь? — Майк уже тащил стул. — Воды?

— Да, спасибо. Я правда в порядке.

Но она не была в порядке. Пальцы дрожали. Сердце колотилось как сумасшедшее. И этот запах хлеба — он всё ещё стоял в носу, хотя в зале пахло только кожей и потом.

Майк принёс воду, она сделала глоток, потом ещё. Краем глаза заметила движение у стены. Рэй.

Он не подошёл. Не спросил, что случилось. Просто стоял и смотрел — но как-то странно, не так, как обычно. Его лицо было бледнее обычного. И правый кулак был сжат так, что костяшки побелели.

«Он тоже это слышал? — мелькнула дикая мысль. — Нет, бред. Он на другом конце зала. Он вообще не мог...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.